

Торжество Ваала. Деды //Камея, Москва, 1993
ISBN: 5-88146-017-0 (Т. 2)
FB2: Андрей Ратников, 06 October 2014, version 1.0
UUID: CA850655-3211-4107-8751-61F836E1F77D
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Всеволод Владимирович Крестовский

**Жизнь и творчество
В.В.Крестовского**

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0019
III.....	.0031
IV.....	.0050
V.....	.0056
VI.....	.0061
VII.....	.0077
В.В. КРЕСТОВСКИЙ.....	.0085

**ВСЕВОЛОД
ВЛАДИМИРОВИЧ
КРЕСТОВСКИЙ
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО[1]**

Всеволод Владимирович Крестовский родился 11 февраля 1839 года в имении своей бабушки селе Березайка Тарашинского уезда Киевской губернии. Происходил он из старинного дворянского рода.

Отец его Владимир Васильевич, отставной улан, служил комиссаром при Петербургском военно-временном госпитале и из-за трудного материального положения согласился на переезд жены Марии Осиповны, урожденной Товбич, с сыном на жительство к бабушке. Так ранние годы детства и отрочества были проведены будущим писателем среди поэтической обстановки деревенской жизни в Малороссии. Будучи еще ребенком, он отличался редкой наблюдательностью, восприимчивостью и впечатлительностью. Отличительным качеством его характера была доброта: ребенком он выпрашивал у матери деньги для бедных, делился всеми лакомствами с дворовыми детьми, и это качество красной нитью прошло через всю его жизнь, и ни горький опыт, ни людская неблагодарность

не успели зачерствить его чуткое ко всему доброму сердце. Память у него была редкая, и он быстро схватывал слышанное. Рано выучившись читать, он по целым дням предавался любимому занятию и быстро подготовился к поступлению в Первую Петербургскую гимназию, куда решили определить его родители. Мать В.В. Крестовского, умная и образованная женщина, сама занималась с сыном, кроме четырех учителей и гувернанток.

Каким же представлялось заведение, которое первым подготовило Всеволода Владимировича к его будущей деятельности? Первая Петербургская гимназия была преобразована из бывшего благородного пансиона при Петербургском университете и одна из немногих в Петербурге оставалась закрытым привилегированным заведением. Прием в нее был только для потомственных дворян; плата за воспитание повышенная, и вся обстановка жизни гимназистов была поставлена на более широкую ногу, чем в других гимназиях. Но этим, кажется, и ограничивались привилегии этой школы; все же недостатки, присущие системе воспитания того времени, нахо-

дили там полное гражданство. В четырех младших классах свирепствовала розга как краеугольный камень воспитания. Состав гувернеров был более чем жалкий. Все это были иностранцы, без всякого образования, зачастую с темным прошлым, на редкость невежественные. Отношения между ними и гимназистами часто принимали характер междоусобной войны между угнетателями и угнетаемыми. Общей чертой того времени в деле педагогики было стремление примешивать ко всему политический элемент, и вот искоренение в воспитанниках этих «зловредных» идей, мешавших спокойно спать директорам и наставникам, и было главной задачей воспитания. Неважно, что в описываемую эпоху у воспитанников не только не было антигосударственных стремлений, а наоборот — большой подъем патриотизма благодаря славной Севастопольской обороне, так что многие из молодежи прямо со школьной скамьи отправлялись на обагренные русской кровью бастионы.

Каждая невинная шалость подвергалась тщательному анализу именно на политиче-

ском лекале. Это старательное искание политической подкладки в поведении детей достигало совсем противоположной цели: мальчики с раннего возраста приобретали нездоровый интерес к политике, обсуждали события, их не касающиеся, и, что еще хуже, обращали свое свободомыслие на религиозную сферу, что в то время в закрытых заведениях стало обычным явлением.

Время, в которое молодому Крестовскому пришлось поступить в гимназию, явилось переходной эпохой в истории наших учебных заведений. Классическая система, созданная графом Уваровым, рушилась, греческий язык остался только в гимназиях, готовящих будущих филологов, латинский преподавался лишь с четвертого класса, утверждались естественные науки и математика, какова бы ни была эта новая система, она, однако, достигала очень важной цели, прививая юношеству определенные навыки и желание трудиться. Новый режим стал привлекать в учебные заведения преподавателей, основными побуждениями которых была гуманность, составлявшая в то время такое редкое, светлое явление.

ние.

В ряду таких учителей новой формации выделялся по своему отношению к воспитанникам преподаватель русского языка Василий Иванович Водовозов.

Горячо любящий свое дело, глубоко убежденный в громадности той пользы, которую он мог принести на своем посту, он вселял любовь к родному слову и литературе в своих воспитанниках и вызывал в них искренний интерес к предмету. Характер его преподавания был не шаблонным, он, главным образом, задавал ученикам сочинения на заданную тему, предлагая затем написанные работы для взаимного критического разбора самими же учащимися. Окончательным же строгим и беспристрастным судьей был сам Водовозов, читая сочинения и разборы при всех в классе. Для старших классов устраивались литературные вечера, где в присутствии учителей и воспитанников читались лучшие сочинения, что побуждало всех к соперничеству. На счастье Всеволода Владимировича он попал в руки этого редкого преподавателя, и Водовозов дал первый толчок развитию его

литературного таланта.

При поступлении Крестовского в гимназию вся его нежная, восприимчивая и в то же время гордая и самолюбивая натура всеми силами души возмутилась той обстановкой, в которой пришлось жить и учиться. Совершенно естественно, что единственным предметом, в который можно было уйти от мрачного гимназического бытия, явилась издавна любимая мальчиком русская словесность, олицетворенная к тому же редким учителем и человеком, благодаря которому его предмет составлял для всех как бы центр преподавания. Будучи романтиком по природе, Крестовский вскоре после своего поступления стал писать стихи, красивые и звучные. Создать собственную внутреннюю жизнь среди безобразий закрытого пансиона стало для него неодолимой потребностью. Вспоминая украинские степи, от которых его оторвали, мальчик зачитывался Гоголем и с переходом в четвертый класс начал писать рассказы. Один из них «Вдовушка» попал в руки инспектору, некоему Бардовскому, в программу которого никак не входило поощрение воспитанников

к сочинительству. Рассказ Крестовского был найден скабрезным, вольнодумным, предан сожжению, а автору сделано было строгое внушение с приказанием больше не заниматься пустяками. К счастью, тот не послушался этого приказа и продолжал писать. Водовозов, уже давно подметивший талант в своем воспитаннике, все больше и больше поощрял его в этом направлении, и вскоре сочинение Крестовского, написанное на заданную тему «Вечер после грозы», обратило на себя всеобщее внимание и вызвало восторженные отзывы Водовозова. Здесь юный Крестовский выказал всю свою восприимчивость и наблюдательность и с редкой картинностью перенес на бумагу все то, что приходилось наблюдать ему в родных привольных степях. К чести его товарищей, среди которых было много способных даровитых натур, любивших литературу, надо отметить, что все они с большим сочувствием относились к нарождающемуся таланту.

Водовозов близко к сердцу принял увлечение своего ученика, стал руководить его чтением, приглашая на вечера, где собирались

литераторы, и предрекать Крестовскому громкую литературную известность. Крестовский, который всегда стремился сходиться с теми товарищами, в которых подмечал схожий со своими свойствами характер, тесно сблизился с младшим своим товарищем В.Г. Авсеенко, ставшим впоследствии известным писателем, и эта, в стенах гимназии завязавшаяся дружба, на всю жизнь осталась одной из самых серьезных его привязанностей. Делясь между собой первыми мечтами, первыми идеями и заветными желаниями в школе, оба писателя продолжали делать это и в жизни, несмотря на разлуку и разные условия, в которые ставила их судьба.

По окончании гимназии восемнадцатилетний Крестовский поступил в 1857 году в Петербургский университет, на историко-филологический факультет. Продолжая работать в стихах и прозе, в этом же году он впервые выступил в печати: в «Общезанимательном вестнике» 1857 года появилась его ода из Горация «К Хлое» и рассказ в стихах «Без дочери». Со следующего года стихотворения и повести Крестовского стали появляться почти

во всех периодических изданиях: в «Отечественных записках», «Русском слове», «Времени», «Эпохе», «Русском вестнике» и др. Первыми рассказами его были «Не первый и не последний», «Любовь дворовых», «Погибшее, но милое создание», цикл «Петербургские типы» и «Петербургские золотопромышленники».

Читателям этих произведений нравились главным образом редкая простота и глубокое чувство любви к бедным обездоленным судьбою людям, что во многом определило тот крупный и быстрый успех, который достался на долю начинающего писателя. Высоко талантливый рассказ «Пчельник», правдиво и поэтически тонко передающий лесную глушь и жизнь отшельника-пасечника, соседствовал в 1860 г. со стихами «Ванька ключник», «Весенняя смерть», «Последняя баррикада» и др. Волна жизни, охватившая писателя с выходом из гимназии, бросала его всюду, и везде чуткая натура находила отзвук всем поражавшим его явлениям. Университетские занятия, наука с ее схоластикой не влекли к себе молодого студента, он манкировал лекциями, являясь лишь на сходки, где обсуждались

все волновавшие молодежь вопросы, в которых Всеволод Владимирович принимал горячее и живое участие и которые он так живо и верно описал в своих последующих романах.

Господствовавшие в то время в обществе течения и идеи передались впечатлительному Крестовскому — он написал даже несколько слишком смелых для того времени стихотворений, таких как «Возок» и «Кузнец». Летом 1858 года тот же Водовозов привез Крестовского к Льву Александровичу Мею, около которого тогда группировался кружок литераторов. Душою этого кружка был Аполлон Александрович Григорьев, под влияние которого всецело попал Всеволод Владимирович. Дружба его с А.А. Григорьевым продолжалась до 1864 года, когда тот безвременно сошел в могилу.

Другими членами этого кружка были: В.Р. Зотов, критик и ученый редактор нескольких периодических изданий («Сын отечества», «Литературная газета» и др.), поэт Н.И. Кроль, известный своими драматическими произведениями, поэт К.К. Случевский, тогда молодой гвардейский офицер, литератор М.А. Загуля-

ев и Ф.Н. Берг, поэт, окончивший только что курс в корпусе. Л.А. Мей очень ценил дарование Крестовского; на вечерах читались все новые произведения Всеволода Владимировича, который быстро выработал в себе талант чтеца, чем был так известен впоследствии. Под влиянием Мей Крестовский обратился к греческим образцам и занялся переводами од Горация.

За время своего пребывания в Петербургском университете Крестовский жил с матерью на Владимирской в доме своей бабушки, которая очень любила внука, но с малых лет держала строго, стараясь привить ему стародворянские традиции.

Если от влияния бабушки Крестовскому все-таки удалось избавиться, то мягкий по характеру, он не замедлил подпасть под влияние Мей, — обладавшего поэтичной, но далеко не практичной натурой. Крестовский так старательно копировал своего учителя и настолько преуспел в этом, что непрактичность и полное незнание цены деньгам на всю жизнь сделались неотъемлемым качеством его натуры. Он привил себе и господствовав-

шие в кружке понятия, что устраивать выгодно свои дела — некрасиво, принять казенное место — также, из-за чего до тридцатилетнего возраста оставался в роли неслужащего дворянина, как его именовали в официальных случаях.

В развившемся таланте Крестовского была одна редкая черта: он не только без зависти относился к чужому таланту, но и целыми часами мог слушать чтение ими своих творений. Он и сам любил читать чужие произведения, причем мастерски подражал разным голосам, что делало его незаменимым чтецом драматических произведений. Потребность в декламации в молодом поэте нашла себе обильную пищу в вошедших тогда в моду публичных чтениях, к которым общество проявляло большой интерес и встречало лекторов серебряными и цветочными венками, букетами и аплодисментами.

Чтецами, наиболее любимыми публикой, стали А.Н. Майков, А.П. Милюков, Ф.М. Достоевский, Ф.Н. Берг, И.Ф. Горбунов и В.В.Крестовский, который чаще других читал свои стихотворения «Сант-Яго» и «Полосу».

Участие Всеволода Владимировича в публичных чтениях продолжалось несколько лет и прекратилось лишь после того, как к ним стали примешивать программы, ничего общего с литературой не имеющие, и, когда раз на эстраде появился какой-то актер и пропел «Серенького козлика», Крестовский дал себе слово в чтениях никогда не участвовать и с тех пор не появлялся в этой роли на эстраде.

Оставив после двухлетнего пребывания университет, Всеволод Владимирович стал сотрудничать у Аполлона Григорьева в его журнале «Русское слово». В бытность свою в университете Крестовский познакомился с писателем и издателем М.М. Достоевским, у которого встречался со знаменитым его братом Федором Михайловичем, только что перед тем помилованным Императором Александром II и вернувшимся из ссылки. Всеволод Владимирович сразу стал в ряды поклонников таланта Ф.М. Достоевского, и последний оказывал немалое влияние на Крестовского.

По выходе из университета Крестовский предался почти исключительно литературной деятельности. Любимым рестораном литераторов был в то время трактир Еремеева у Аничкова моста. Там Крестовский познакомился и сошелся с талантливым поэтом-сатириком Василием Степановичем Курочкиным, который только что начал издавать еженедельный журнал «Искра». Крестовский часто посещал вечера, на которые собирались сотрудники журнала и многие литераторы, приносил обыкновенно новые стихи и читал их перед собравшимися. Один из сотрудников журнала Н.П. Ломан, писавший под псевдонимом «Гнут», тут же сочинял пародию на них и вслух прочитывал ее под добродушный смех слушателей и самого автора.

В 1860 году Крестовский познакомился с семейством Сен-Лоран, глава и многие члены которого были военными. Это сближение в значительной мере развеяло предубеждение Крестовского против военной среды, бывшей тогда настолько непопулярной в обществе,

что даже славная Севастопольская оборона не переменяла взглядов на военных. Общество, увлеченное либеральными идеями, желало видеть всех своими сторонниками, и поэтому среда, исключая возможность этого, подвергалась ostracism. Крестовский тоже несочувственно относился к «военщине» и, только познакомившись с внутренним миром и взглядами представителей семейства Сен-Лоран, мало-помалу стал менять свое мнение.

В это же время Крестовский встречается с Варварой Дмитриевной Гриневой, дочерью актрисы Санкт-Петербургских Императорских театров Екатерины Васильевны Гриневой. Красивая, живая, грациозная девушка, бывшая тогда тоже актрисой, сразу вскружила голову мечтательному юноше, и увлечение закончилось свадьбой, несмотря на молодость влюбленных: Крестовскому было тогда двадцать два года, невесте — двадцать лет. Венчание состоялось в Петербурге при небольшом числе друзей. Посаженым отцом был приятель жениха граф Г.А.Кушелев-Безбородко, основатель журнала «Русское слово».

За женой Всеволод Владимирович не получил ничего, кроме свадебного маленького приданого, для его родных свадьба не была желанной из-за его крайней молодости и болезненности. Крестовский всегда был горд тем, что ни у кого не хотел одалживаться и пришлось познакомиться с нуждой: из-за нее молодые переехали в пустую дачу на Петровском острове и оставались там до декабря. Но веселое беззаботное настроение не покидало супругов. Часто навещали их друзья, круг которых увеличился: к нему прибавились А.Н. Милюков, М.О. Микешин, К.Е. Маковский.

Вскоре после отшельничества на Петровском острове обстоятельства переменились к лучшему. Заработок в различных изданиях увеличился, и юная пара перебралась в Петербург, где повела жизнь на широкую ногу, к чему Всеволод Владимирович всегда имел слабость. В то же время он начал помогать своей матери, что и делал в продолжение всей жизни.

Все это время и в последующие годы, изучая типы Петербурга и публикуя очерки «Фотографические карточки» и «Золотопромыш-

ленники», Всеволод Владимирович носился с одной идеей, которая стала его задушевной и любимой мечтой — написать роман из петербургской жизни, который дал бы полную картину жизни столицы от раззолоченных гостиных до притонов пьянства, разврата и нищеты. На эту идею натолкнул Всеволода Владимировича еще в 1858 году случай, в бытность его в университете, когда он случайно стал свидетелем возмутительной сцены избияния пьяным оборванцем какой-то ему подобной женщины, которая, отбиваясь от него, пересыпала отборные русские ругательства французскими фразами. Это навело на мысль, что избитая женщина была когда-то совсем иным существом. Как она дошла до такого состояния? Что была за среда, где могли иметь место такие безобразные сцены? Вот были первые вопросы, толкнувшие наблюдательного юношу в область исследований по этой интересной, неожиданно вставшей перед ним проблеме. Шесть лет работал Крестовский над изучением петербургских типов, готовясь к своему громадному произведению, и как результат этого — роман «Петербургские трущобы».

бы», законченный к 1864 году.

Изучая нравы Петербурга, Крестовский проникал в такие труппы, посещение которых было бы для него небезопасно, если бы его не сопровождал в этих прогулках начальник сыскной полиции И.Д. Путилин. Генерал-губернатор Петербурга светлейший князь Суворов, узнав о новой страсти и таланте молодого литератора, дал ему *carte blanche* на посещение тюрем, больниц и других учреждений и предписал полиции содействовать ему в его наблюдениях, командировав сыщиков в его распоряжение. Прокурор Петербурга открыл для Всеволода Владимировича судебные архивы.

В 1864 году роман «Петербургские труппы» начал печататься в «Отечественных записках» у А.А. Краевского. Успех его в русском обществе был громадный и роман занял исключительное своеобразное положение, являясь единственным в своем роде произведением. Мир явлений, в нем выведенный, был чрезвычайно сложным и занимательным уже потому, что все отношения героев и персонажей были рассмотрены с точки зрения

грубых страстей, царящих во всяком обществе и действующих так разлагающе. Какой гуманной целью задался автор, явствует из следующих его слов: «Если мой роман заставит читателя призадуматься о жизни и участи петербургского бедняка и отверженной парии — трущобной женщины; если в среде наших филантропов и в среде администрации он возбудит хотя малейшее существенное внимание к изображенной мной жизни, я буду много вознагражден сознанием того, что труд мой, кроме развлечения для читателя, принес еще и частицу существенной пользы...»

Увлекаясь горячим сочувствием к бедности, Крестовский наметил себе цель — сопоставить благоденствие высших классов общества с бедствием нищих. Роман-хроника должен был объять все общественные элементы столицы. Интрига вышла чрезвычайно сложной, запутанной, но интересной, действие романа перевесило изображение действующих лиц, интрига — характеристику их, для занимательного начала и прекрасной середины пришлось придумать искусственный конец,

который и навлек на роман главные нарекания критиков. Тем не менее он обладал столь положительными достоинствами, что привлек к себе редкое внимание буквально всей России. Впечатление, произведенное «Петербургскими трущобами» на публику, было так сильно, что одно время стало модным устраивать экскурсии в притоны и вертепы, описанные в романе.

Все эффекты, придающие роману несколько бульварный характер, меркнут перед захватывающим трагическим интересом к изображенным в нем правдивым картинам преступлений и разврата, сопровождаемым глубокими мыслями и выводами. «Петербургские трущобы» являли тем больший интерес для столичного общества, что многие типы были взяты автором из жизни и были списаны с известных всему Петербургу лиц.

Здесь следует коротко остановиться на нелепости возведенного на покойного писателя обвинения журналом «Сын Отечества» присвоения авторства этого романа, написанного якобы Н.Г. Помяловским. Кроме ярких вышеприведенных фактов, видна резкая раз-

ница в слогe обоих писателей, но самым важным опровергающим фактом является целый ряд свидетельств. Одним из важных свидетельств являются напечатанные в «Историческом вестнике» воспоминания И.К. Маркузе, работавшего у Крестовского и стенографически записывающего целые главы этого романа. Всеволод Владимирович диктовал И.К. Маркузе текст, в связи с чем последний жил полгода на квартире у Крестовского. Интересен рассказ М.С. Лескова о совместном посещении с Крестовским и М.О. Микешиным одного из притонов «Вяземской лавры», так называемого «Малинника», который появился в «Петербургской газете» после выхода «Сына отечества» и был подтвержден М.О. Микешиным в той же газете, рассказавшим о намерении автора издать роман иллюстрированным, для чего самим Микешиным уже была подготовлена целая коллекция рисунков. Начальник сыскной полиции И.Д. Путилин, с жаром заступаясь за Крестовского, писал: «От первой до последней строчки роман принадлежит Крестовскому. Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в

нищенское платье. Наконец, я самолично дал ему для выписок дела сыскного отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведения — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне».

Кроме того, Крестовским оставлена рукопись романа, несколько записных книжек и талантливые наброски карандашом, сделанные рукою М.О. Микешина и самого Крестовского. Н.Г. Помяловского действительно часто можно было встретить в труппных кабаках, однако появлялся он там из-за своей развившейся пагубной страсти к спиртному и не собирался извлекать из своих походов литературной пользы, как свидетельствовал тот же И.Д. Путилин. Из этого видно, как гнусна была клевета, старавшаяся очернить Всеволода Владимировича не только как писателя, но и как человека, приписывая ему такие низкие качества души, которым не поверил бы никто знавший его честный, неподкупный и не способный ни на какую фальшь характер. Тот же И.К. Маркузе в своих воспоминаниях дает полный портрет писателя в период со-

здания «Петербургских трущоб».

«Всеволод Владимирович был малоречив, серьезен и сдержан, не одушевлялся даже в кругу друзей; он прислушивался к тому, что говорили окружающие, сам же, если вступал в общую беседу, то лишь для того, чтобы бросить краткое замечание, выраженное сжато и просто. Покашливая нервным коротким кашлем, приобретенным скорее привычкой, чем вследствие какого-либо болезненного недостатка, играя не покидавшим его никогда моноклем, сидел он между собеседниками всегда внимательный ко всем, приветливый, но необщительный. Таков он был по природе, холодная сдержанность его не была рисовкой и он не позировал ею, но она была заметна в нем даже в минуты веселого настроения. Это свойство укоренилось в нем, быть может, с детства, проведенного им не в родной семье, вдали от нее, между чужими. Оно, впрочем, не имело ничего отталкивающего, не отчуждало его от общества и не заставляло уходить в самого себя. Напротив того, он любил общество, однако, в силу ли этой сдержанности, или вследствие быть может, застенчивой

скромности, стусшевывался в нем. Богатая одаренность, живая впечатлительность и артистическая оживленность его заставляли обращать на него внимание, выдвигали его иногда на первый план; но это происходило вопреки его намерению и претило ему. Так, например, он делался быстро в любом салоне тем, что называют „душою общества“, читал, рассказывал шутки, пел, но также быстро утрачивал это преимущество, так как легко уступал первенство другим. Необщительный вообще, он не любил сплетню, не передавал другим ходячих пересуд, за что особенно ценился друзьями, знавшими, что могут на него положиться и что он никого не выдаст.

Всеволод Владимирович был немного выше среднего роста, обладал красивым, чисто русским лицом, высоким лбом, правильными, резко очерченными носом и подбородком. Мягкие отброшенные назад волосы обрамляли его голову, придавая ему вид молодости; но серьезные, почти суровые глаза его противоречили этому впечатлению, старили его лицо. Последнее казалось малоподвижным, неподдающимся оживленной мы-

печной игре, на самом же деле Всеволод Владимирович владел мастерскою способностью изменять черты своего лица почти до неузнаваемости».

Часто задается вопрос, кто же собственно был героем «Петербургских трущоб», его искали и не могли найти, и по очень простой причине: им было отвлеченное понятие, оно было и есть «царь мира сего», и вот как определяет его сам автор: «Есть в мире царь — незримый, неслышимый, но чувствуемый, царь грозный, как едва ли был грозен кто из владык земных... Он подл и мерзок, как сама мерзость запустения. Его царственные прерогативы — порок, преступление и рабство... Его дети — Болезнь и Нечестие... Отец его — Дьявол, мать — Нищета. Имя ему — Разврат».

Возвращаясь к роману «Петербургские трущобы», можно сказать, что роман этот имел столь большое общественное значение еще и потому, что описываемые в нем лица и деяния являли собой печальный результат распущенности нравственного и семейного воспитания в тогдашней России.

Польское восстание 1863 года естественно приковало к себе внимание впечатлительного Крестовского. Он отправился в Варшаву в роли официального члена комиссии, утвержденной для исследования подземелий Варшавы. Этой поездке способствовало также его желание уйти из непривлекательной семейной обстановки. Счастье обоих супругов оказалось непродолжительным. Полное несходство характеров делало совместную жизнь невозможной. Хотя Крестовский еще не разъехался окончательно с женой, но оба жили на разных половинах, принимали свой круг знакомых и чем дальше, тем больше расходились их жизненные пути. По прибытии в Варшаву Крестовский явился к начальству и тотчас принялся за свою деятельность, которая заключалась в следующем. Известно, что сходки, совещания революционеров-повстанцев проходили в варшавских катакомбах, подземельях, которыми издавна так изобилует этот город. Здесь была «главная квартира» подпольного правительства. Русское пра-

вительство учредило комиссию для того, чтобы отыскать и исследовать эти лабиринты, служившие такими удобными и безопасными притонами. Крестовский с редким рвением отдался новому интересному делу, о чем свидетельствуют сохранившиеся толстые записные книжки, исписанные мелким почерком Всеволода Владимировича, где приводятся результаты осмотра то катакомб костела, то подземелий домов, то подземных ходов. При этом Крестовский всюду устремлялся первым и нередко подвергался опасности.

Впечатления от Варшавы дали обильную пищу таланту автора и зародили в нем идею большого романа о борьбе двух народностей — русской и польской, почему первый роман будущей дилогии и получил название «Две силы».

И здесь так же, как и перед «Петербургскими трущобами», автор пробовал свои силы на маленьких очерках и рассказах: «Под каштанами Саксонского сада», «Пан Пшепендовский», «Катакомбы Фары» и др. Это были эскизы отдельных лиц, фактов и событий перед тем как перейти к большой картине.

В позднейшем издании дилогия из двух романов «Две силы» и «Панургово стадо» получила название «Кровавый пуф»[2] с подзаголовком «Хроника смутного времени государства Российского». Этим определением автор хотел выразить весь тогдашний хаос в убеждениях большей части русского общества, ложные его цели, лжепатриотизм, против которого особенно восставал Всеволод Владимирович.

Глубоко убежденный во внутреннем превосходстве России над Западом и ее дремлющих непочатых силах Крестовский неуклонно верил, что придет время, когда русский народ твердо встанет на ноги, не будет нуждаться ни в чьей помощи и, наоборот, к нему за помощью и поддержкой обратятся другие народы.

Но чтобы это случилось, он был вполне согласен с Ф.М. Достоевским, который говорил: «Надо сначала перестать быть международной обшмыгой, стать русскими прежде всего, а стать русскими — значит перестать презирать народ свой, и, как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и на-

циональность нашу, так тотчас же он начнет нас самих уважать».

В то время, когда многие талантливые русские писатели стремились привить русскому народу ненормальные для него и болезненные по существу условия общественной жизни Запада, когда в некоторых литературных кружках предполагали, что служение искусству связано с ниспровержением устоев, корнящихся в самом духе русского народа, когда все стремления должны были заключаться в уничтожении в народе веры в силу и будущность России, в то печальное для всего русского время сомнений и колебаний, когда наши интеллигенты стыдились за границей признаться в своей национальности, Крестовский вместе с немногими другими шел своим издавна намеченным путем, который признавал правильным. Он являлся непримиримым врагом всякой беспочвенности, чужих, наносных веяний и сентиментального космополитизма, и, как истинно русский человек, страдал при виде внутреннего малоотрадного положения своей родины.

При чтении «Кровавого пуфа» в публике

сложилось убеждение, будто герои, молодой кавалерийский офицер Хвалынцев является автобиографическим, что в нем Крестовский изобразил свои политические колебания, свои увлечения. Это мнение подтверждалось совпадением в резкой перемене жизни автора — его поступлением на военную службу. Мнение это не выдерживает никакой критики — Крестовский в своем герое хотел изобразить колеблющегося в убеждениях русского интеллигента, восприимчивого к новым идеям, поддающегося их влиянию и отрезвляющегося при ближайшем личном знакомстве с действительностью. Таких сомнений Всеволод Владимирович в польско-русском вопросе никогда не испытывал, а потому не мог в герое своего романа изобразить самого себя.

За год до поступления на военную службу в 1867 году Крестовский предпринял большое путешествие по Волге, причем останавливался в разных городах для участия в музыкально-литературных вечерах. Особенно удался концерт в Астрахани, вскоре после покушения на жизнь императора Александра II, совершенного в Париже Березовским. Событие

это везде в России стало толчком к подъему народного патриотического духа. Захваченный волной этого настроения Крестовский сказал блестящую речь на тему о силе и любви русского народа к своему государю и отечеству, против которой бессильно всякое оружие.

Эта же поездка вызвала ряд статей Крестовского, в том числе о Нижнем Новгороде и о наделавших много шума злоупотреблениях на соляных промыслах. Герой этих подвигов полицеймейстер Лаппа-Старженецкий, в очерках названный «Загребистой Лапой», узнав себя, подал в суд за опорочивание доброго имени. Дело это разбиралось в петербургском окружном суде, и Крестовский, отказавшись от защитника, очень остроумно отделал полицеймейстера. Так, он сказал, что во всех привлекательных чертах г-н Старженецкий узнал себя, что он, как и «Загребистая Лапа», красив, статен, пленяет сердца, ухарски танцует мазурку, а в малосимпатичных качествах «Лапы» — взяточничестве и шулерстве признаваться не желает. Результатом самозащиты Крестовского был оправдательный

приговор.

Поступление Крестовского на военную службу юнкером в то время, когда ему было уже около тридцати лет, вызвало общее недоумение и наделало много шума.

В литературной среде этот факт встретил такое озлобление и ожесточенное гонение, как будто Крестовский совершил какой-нибудь антиобщественный поступок. Невольно возникал вопрос, какая цель могла заставить человека в зрелом возрасте, со сложившимися убеждениями надевать на себя солдатскую лямку, так как Крестовский поступил юнкером, т. е. нижним чином.

По всей вероятности, военная среда, с которой он сблизился в Варшаве, привлекла его своей простотой, отсутствием интриг, сплетен, инсинуаций, жертвой которых Всеволод Владимирович был в течение нескольких лет. Его травили и в литературе, и в частной жизни. У него явилась потребность в круге людей, с которыми не нужно было изощряться в полемике, от которых можно было не ждать анонимных писем, которыми заваливали его в Петербурге. В родной семье, кото-

рую он себе устроил, судьба ему отказала, она распалась, но явилась возможность создать другую — полковую. В полку Крестовский, по его собственному признанию, нашел «прочное убежище, мирное и тихое пристанище, в которое человек может уйти и спрятаться, как улитка в скорлупу».

Кроме того, это могло быть данью семейной традиции, так как и отец, и дед его служили уланами.

В полку ждала его новая среда, тесно сплоченная, с определенными взглядами и кодексом чести, среда, которая гарантировала ему целительное спокойствие, так ему необходимое.

1 июня 1868 г. Всеволод Владимирович был определен юнкером в 14-й Уланский Ямбургский полк. Его радушно приняли, так как ценили и знали как талантливого автора, и он быстро стал общим любимцем.

Ямбургский полк стоял в Гродненской губернии, штаб его был в самом Гродно, а эскадроны были расположены по местечкам с еврейским населением, что впоследствии дало ему обильный материал для работы над по-

следней его трилогией «Тьма Египетская». Крестовский попал в 3-й эскадрон майора А.А. Латынина, стоявший в местечке Свислочи, и сразу стал душой как уланского, так и небольшого городского общества. Никогда не играя в карты, он развлекал всех своими интересными рассказами и своим прекрасным голосом, пел много романсов, в том числе и им сочиненные и положенные на музыку, впоследствии ставшие очень популярными по всей России, такие как «Под душистою ветвью сирени», «Когда утром иль позднею ночью» и др.

Занимаясь службой, Всеволод Владимирович со свойственной ему наблюдательностью приглядывался к своеобразному быту, и плодом ее явились превосходные очерки из кавалерийской жизни, в которых автор неподражаемо передал все ее поэтические стороны. Офицерские и солдатские типы вышли у него, как живые; особенно удалось Крестовскому описание «Травы», этих кавалерийских каникул в приволье лесной глуши и пойменных лугов с барским домом бывшего магната, окруженным таинственными легендами, ко-

торые автор услышал из разных уст и придал им такой поэтический характер. Эскадрон, где служил тогда Крестовский, стоял на «траве» близ Гродно, и описание имения и окружающих его мест происходило в тихие, июльские вечера, когда товарищи спали, а молодой писатель, гуляя по длинным, освещенным луной аллеям столетних дубов и каштанов, вдохновлялся обступавшими его тенями прошлого и брался за перо.

Помещики, евреи и крестьяне, входящие в соприкосновение с войском, давали ему случайные черты, которые он умел подмечать, почему и описания их выходили так жизненны и правдивы. Особенно типичны были факторы-евреи, без которых не может обойтись ни один кавалерийский полк, стоящий в Западном крае. Все эти военные рассказы были лишены какой бы то ни было тенденции; это были художественные эскизы с натуры, и представляли ряд впечатлений автора, которые дала ему новая своеобразная среда.

Во время своего пребывания в Свислочи он написал роман «Панургово стадо». Способ работы его был обыкновенно такой. Недели по

две, по три он не брал пера в руки, но затем запершись в четырех стенах своего кабинета, начинал писать, не отрываясь. Любопытные жители местечка могли видеть Крестовского в окно, пишущего с низко наклоненной головой. Писал он обыкновенно на листах большого формата, мелким, но очень красивым и разборчивым почерком, почти без всяких поправок и помарок. Написав две или три главы в один присест, он обязательно прочитывал их товарищам и знакомым и затем уже отправлял в редакцию «Русского вестника», где печатался тогда этот роман.

Будучи в нижнем чине, Крестовский серьезно относился к этому званию и был, что называется, формалистом. Все его мундиры были из толстого солдатского сукна без всяких претензий на щегольство, так развитое тогда между юнкерами. В отношениях к офицерам он также не позволял себе никаких фамильярностей в силу своего положения как литератора, и даже в частных домах всегда строго соблюдал чинопочитание. Но это несколько не мешало ему быть твердым и самостоятельным в своих убеждениях, невзирая

ни на какое высокое положение кого бы то ни было, чему характеристикой является следующий эпизод, совпадающий с описываемой эпохой в жизни Всеволода Владимировича.

В 1869 году Крестовский из-за слабого здоровья получил разрешение лечиться на водах в Друскениках. Приехав туда, он заимел много знакомств и везде был радушно принят. Особенно часто он бывал у отставного генерала И.С. Плаксина. В самый разгар сезона приехал из Петербурга один сановник, известный в то время видный деятель, и как старый знакомый навестил Плаксина, где застал писательницу Анну Дмитриевну Мысовскую и Всеволода Владимировича. Когда его представили сановнику и тот с изысканной вежливостью протянул руку юнкеру, последний очень холодно ее пожал и удалился на балкон.

В это время съехалось еще несколько дам, и случайно сошлись всегдашние посетители дома. Неоднократно вызывала Мысовская Всеволода Владимировича в гостиную то под одним, то под другим предлогом; он нехотя, на пять минут, там появлялся и вновь отправлялся на балкон.

— Да посидите же с нами, Всеволод Владимирович! — воскликнула, наконец, она и, обратясь к сановнику, с женской экспансивностью сообщила ему:

— Если бы вы знали, как он божественно читает, как рассказывает! Прodeкламируйте же нам что-нибудь, — стала упрашивать она Крестовского, лицо которого становилось все мрачнее и мрачнее. К просьбам Мысовской присоединился и сановник, заявив, что был бы очень польщен оказанной ему честью.

Видя, что отказ был бы равносильен невежеству, Крестовский, взглянув многозначительно на Мысовскую, прочел какое-то коротенькое, ничего не значащее стихотворение. Сановник с благодарностью пожал ему руку. Когда остались только «свои», Крестовский, весь багровый, подошел к Мысовской и произнес задышающимся голосом:

— Благодарю вас, Анна Дмитриевна, чего не ожидал — не ожидал!

— Да что с вами, Всеволод Владимирович? — спросила та, удивленная его тоном.

— А то, что я не хочу читать перед людьми, с которыми, может быть, и знакомиться не

желаю!

— Да отчего же?

— И вы, причастная к литературе, меня об этом спрашиваете? Вы, которая сотрудничает в «Отечественных записках»? Я вам не фигляр и не скоморох, чтобы по заказу читать перед человеком, который так несочувственно всегда относился к многим собратьям по перу.

Едва общими усилиями все успокоили Крестовского не на шутку расстроенного, который потом извинился перед хозяином дома за невольный порыв негодования и долго не мог простить Мысовской ее выходки.

При этом нужно заметить, что это был один из редких случаев, когда Крестовский выходил из себя, будучи обыкновенно очень сдержан в выражении своих взглядов и убеждений.

Этот *esprit de corps*, [3] несмотря на гонения и разочарование в людях, всю жизнь не покидал Крестовского.

Год спустя, выдержав офицерский экзамен при Тверском кавалерийском училище, Крестовский был произведен в офицерский чин

в свой же полк, и по распоряжению высшего начальства ему было поручено составление истории своего полка. Для архивных изысканий он был на два года прикомандирован к Главному штабу.

Здесь необходимо остановиться на тяжелых страницах жизни Крестовского, связанных с его семейной жизнью, которая стала невозможна уже после первого года супружества, и печальным финалом которой стал судебный процесс.

Во время этого процесса произошел инцидент с присяжным поверенным Соколовским, оскорбившим Крестовского, уже тогда носящего мундир, не как писателя и человека, а как офицера. В ответ на клевету, брошенную ему в глаза перед публикой, Крестовский через секундантов послал Соколовскому вызов на дуэль. Однако Соколовский драться наотрез отказался. Тогда Крестовский приехал на квартиру к вызванному и нанес ему два удара перчаткой по лицу. Следствием этого явился новый судебный процесс, на слушание дела по которому собралось все лучшее петербургское общество, в том числе великий

князь Николай Николаевич Старший. Крестовский после речи защитника произнес сам последнее слово, сказав, что ничего не имеет против очернительства его как человека и как писателя — Соколовский делает это, зарабатывая свой гонорар. «Но когда г-н Соколовский позволил себе коснуться меня как офицера, затрагивать мои служебные действия, отчет в которых я обязан давать лишь своему начальству, — этого я не мог уже терпеть долее и потребовал от него удовлетворения, а раз он от него отказался — иного средства как пощечина, у меня не оставалось», — заключительные слова речи Крестовского были покрыты громом рукоплесканий, долго не прекращавшихся, несмотря на звонки председателя суда. Приговором ему был двухнедельный арест на гауптвахте, без внесения бытности под судом в послужной список.

Составление истории Ямбургского полка было личным желанием шефа полка, великой княгини Марии Александровны, на что вскоре последовало высочайшее соизволение.

Когда обширный труд истории полка был

напечатан и представлен шефу, государь император перевел Крестовского тем же чином в виде награды в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк.

В начале 1875 года на придворном концертном балу в день праздника лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, государь император, заметив среди присутствующих Крестовского, подозвал его к себе и тут же возложил на него поручение составить историю гвардейского полка для поднесения державному шефу в день двадцатилетия его шефства над полком. История была написана и издана к назначенному сроку через год. Она отличалась точным стилем и интересным содержанием. Высочайшей наградой Крестовскому был выданный не в зачет годовой оклад жалованья. Автору этой книги выпала на долю редкая честь: цензором ее был сам государь император. В семье Всеволода Владимировича остался корректурный экземпляр, испещренный на полях примечаниями и поправками, сделанными собственноручно его величеством.

За время своих архивных работ Всеволод

Владимирович набрел на ряд неизвестных исторических фактов, результатом чего явилась его историческая повесть «Деды». 8 это время Крестовский сотрудничал в «Русском мире», издаваемом М.Г. Черняевым, который и дал ему идею написать исторический роман. М.Г. Черняев жил в то время на даче, имевшей историческое прошлое. Она принадлежала фрейлине Нелидовой, и император Павел, находясь у нее в гостях, именно там получил первое известие о смерти императрицы Екатерины II. Крестовский во время частых посещений М.Г. Черняева подробно осматривал дачу и навеянные ею образы и картины дали в результате повесть из времени императора Павла I. Главной целью и основной идеен писателя было фактически доказать, что мрачные стороны этого царствования были слишком преувеличены как современниками, так и последующими поколениями. Произведение это печаталось частями в «Русском мире», где Крестовский помещал также и свои передовые статьи.

В этот же период (1871–1876 гг.) он сотрудничал с В.В. Комаровым и часто посещал его

вечера, находясь в дружбе с хозяином и писателями А.Ф. Писемским и Р.А. Фадеевым. С 1871 года Крестовский стал сотрудничать во вновь возникшем журнале «Нива», где поместил несколько своих рассказов: «На траве», «Пан Пшепендовский», «Мой собрат» и др.

К этому же времени относится опубликование романа детективного жанра «Вне закона», основанием которого послужило громкое судебное дело.

В августе 1876 года Крестовский по распоряжению военного министра Д.А. Милютина был командирован в Варшаву для участия в торжествах по поводу вручения лейб-гвардии Уланскому полку его августейшим шефом нового Георгиевского штандарта с надписью «За сражение под Красным 5 декабря 1812 года», причем честью этой полк был обязан Всеволоду Владимировичу, разыскавшему в архиве подтверждающие подвиг полка документы. Товарищи уланы пиром чествовали своего историка и поднесли ему в знак признательности ценный подарок.

IV

Между тем надвигалась Русско-турецкая война — началась мобилизация. Главным командующим армией на Европейском театре войны был назначен великий князь Николай Николаевич Старший. По личной воле государя императора Крестовский был командирован в действующую армию и на него было возложено редакторство «Военно-летучего листка» с пребыванием в главной квартире в Кишиневе, куда и прибыл Всеволод Владимирович.

Двадцать месяцев в действующей армии дали возможность Крестовскому составить массу очерков, которые в 1879 году были изданы отдельно и составили два больших тома.

Армия, стянутая к юго-западной границе России, была охвачена лихорадочным настроением из-за колебаний политического барометра. «Тут нет ни бахвальства, ни самонадеянности, ни кичливого презрения к своему противнику. Напротив, каждый солдат, каждый офицер смотрит весьма серьезно и

скромно на предстоящее ему дело, не скрывает от себя его трудностей и почитает его за дело святое; недовольство же наше, которое проявляется, увы, слишком часто, имеет своим источником единственно лишь глубокое патриотическое чувство, которое дрожит от сомнения, что Россия отступит от своего святого дела с ущербом для ее достоинства», — писал в одном из своих писем из Кишинева Крестовский.

Походная типография, которой заведовал Всеволод Владимирович, помещалась в трех фургонах, которые следовали непосредственно за великим князем и его свитой, и имели право въезжать в огневую полосу. Этим правом всегда пользовался Крестовский, чтобы нагрузить в них запасы провизии и вина, которыми угощал всех, кого только встречал, и был истинным благодетелем в трудные минуты боевой обстановки.

Образ жизни его в это время был очень умеренный: рано вставая и ложась, он все свободное от службы время посвящал описанию военных действий. Сильная натура позволяла ему легко переносить всю тягость бое-

вой и походной обстановки, и по вечерам он всегда находил сюжеты для анекдотов и рассказов, которыми развлекал и оживлял многочисленных и признательных слушателей. Будучи близким свидетелем штурма Плевны, он со свойственной ему картинностью изобразил его в своем романе «Тамара Бендавид», одного из героев которого, графа Каржоля, весьма кстати вывел в роли агента пресловутого товарищества «Грегор, Горниц и Коган», к деятельности которого мог достаточно приглядеться во время войны.

К 14 июля 1877 года вышли сразу два первых номера «Военно-летучего листка», который сообщал известия непосредственно с театра военных действий, давал сведения о потерях и наградах. Крестовский всюду следовал за главной квартирой, посетил Богот, Порадим, Пелишат и, живя в палатке, изнывая от палящей жары, неустанно работал, посылая кроме того корреспонденции в «Правительственный вестник» и телеграммы во многие газеты.

Государь император при чтении известий с театра войны, написанных Крестовским, по-

что всегда делал надпись: «Читал с особенным любопытством».

Однако пылкий по характеру Крестовский не был вполне доволен своим положением и постоянно просил у великого князя какой-нибудь командировки «в огонь», но получал категорический отказ, так как последний, особенно расположившись к Всеволоду Владимировичу после талантливых очерков из кавалерийской жизни, всячески его берег. Однако и он, наконец, уступил и согласился на прикомандирование Крестовского к Траянскому отряду генерала П.П. Карцева в качестве ординарца.

После двухдневных тяжелых работ по расчистке пути к Траянову перевалу на сильном морозе, которыми руководил Крестовский, не успев отдохнуть, он принял участие в ночном бою против турецких укреплений, венчавших вершину Траянова перевала на высоте нескольких тысяч футов, находясь во время горячей перестрелки в цепи батальона. После короткого перерыва, не оставляя занятые позиции, войска генерала Карцева взяли укрепления, с боем спустились с хребта и заняли

селения Текке и Карнари.

Во всех этих боях генерал Карцев неоднократно посылал Крестовского на боевую линию, причем последний не щадил себя и поминутно рисковал жизнью.

Затем Крестовский участвовал в дальнейшем продвижении Траяновского отряда и направился с ним на Адрианополь и Демотику. Весь этот поход занял около трех недель — и впечатлительному Всеволоду Владимировичу пришлось быть свидетелем ужасов войны, порожденных поспешным бегством турок на юг страны при первом известии, что знамена нашей победоносной армии взвились на высотах неприступных Балкан.

В феврале Крестовский был снова командирован в авангардный отряд свиты его величества, причем во время блестящего рейда этого отряда, завершившегося взятием второй столицы Оттоманской Империи — Адрианополя, нес одновременно обязанности ординарца и вел летопись отряда, которая составила потом одно из лучших описаний эпизодов этой войны.

За отличие при штурме Плевны и при взя-

тии Траянова перевала Крестовский был награжден орденами Святой Анны, Святого Владимира и Святого Станислава, кроме того, в эту кампанию он получил сербский орден Такова, румынский орден *Fraseria Dunaria* и черногорский орден князя Даниила.

Но вот окончилась война, и появился договор 19 февраля 1878 года, можно было вернуться в давно покинутую Россию. Переживая поочередно все чувства тоски по родине и радость возвращения и встречи с родными и близкими, Крестовский мог, наконец, вернувшись в Петербург, подумать о давно забытой им беллетристике.

Закованная в рамки походной и боевой деятельности фантазия художника не только не иссякла, но получила как бы избыток сил, с которыми и вырвалась при первой возможности наружу. Действительно, вскоре по возвращении из кампании, а именно в конце 1879 года, у Всеволода Владимировича зародилась идея большого романа-трилогии.

В предисловии к одному из своих романов, желая установить для читателя ту точку зрения, с которой должно смотреть на него, В.В. Крестовский категорически заявляет: «Я никак не исключаю мою хронику из числа произведений тенденциозных, напротив, она имеет самую определенную тенденцию». Ро-

ману-трилогии «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», увы, пришлось разделить судьбу тенденциозных произведений. Напечатать роман полностью в «Русском вестнике» стало возможным лишь после ухода М.Н. Каткова, когда редактором его стал Ф.Н. Берг. М.Н. Катков был очень встревожен основной мыслью романа о падении христианства в России. «По его (Каткова) словам у тебя выводится крещеная еврейка, которая, переходя из высших слоев общества в самые низменные, нигде не находит христианства в истинном смысле; так что выходит, что ей незачем было и креститься; а между тем еврейство оказывается на крепких устоях и все забирает силу... Дело в том, что массы и, в особенности, интеллигенция едва ли когда особенно выделялись над уровнем пассивного соблюдения христианства. Усилия просветительской деятельности представителей церкви и светских гуманистов заключались всегда в том, чтобы направлять в сторону пробуждения массы из их летаргии в этом отношении. Если же мы, вместо колеблющихся, особенно в наше время, представим

им картину такого отчаянно безвыходного положения, то не будет ли это последним и может быть самым энергическим толчком в направлении наклонной плоскости?» — писал В.Н. Ключников Крестовскому, излагая точку зрения редактора «Русского вестника» на замысел автора.

В течение двух лет до появления первых глав романа на страницах «Русского вестника» Крестовский, ревностно изучая древнееврейский язык, завел обширное знакомство с раввинами и знатоками Талмуда и других древнееврейских книг, с которыми вместе их перечитывал и делал нужные пометки. «Я считал необходимым подковаться, так сказать, на четыре ноги, ибо знаю, что первое возражение, которое может быть сделано мне из еврейско-публицистического лагеря, почти наверно будет заключаться в якобы незнании предмета. Но, благодаря примечаниям, ссылкам на источники и выдержкам из оных — надеюсь, легким порицателям придется прикусить язычок, и, таким образом, на этой дорожке им не удастся передернуть карты и подорвать кредит достоверности и точ-

ности излагаемого мною», — объяснял Крестовский значение первых глав романа и название романа «Тьма Египетская», как наиболее соответствующее нравственному состоянию русского общества, в письме Н.А. Любимову.

Безусловно, все романы Крестовского проникнуты недвусмысленными и строго определенными тенденциями, не вредящими достоинству его произведений, а скорее украшающими их, придающими им смысл и значение при полной свободе выбора сюжета, к тому же автор обладает замечательным, сильным, чисто художественным талантом. Критика подобных произведений обычно превращается в спор о достоинствах тенденций, об их истинности или ложности, а так как нет такого критика, которому бы автор угодил своими воззрениями, то разбор такого произведения превращается в наставление автору, в указание, как он должен мыслить, приступая к своему сочинению. Крестовский изображает жизнь без намеренного подбора явлений для доказательства своих воззрений, и она предстает перед читателем характер-

ной смесью добра и зла, каковая и есть в действительности. В истинном, правдивом изображении ее отчетливо выражается та или иная мысль, но это уже не «тенденция», а идея, не мысль, навязываемая читателю, а действительное значение изображаемых явлений.

В последней трилогии В.В. Крестовского была проведена одна яркая идея — показать силу еврейства в русской жизни и бессилие беспочвенной интеллигенции, не способной противопоставить иноплеменному напору ни определенных убеждений, ни твердого противодействия в силу всегдашней халатности, безалаберности и добродушия.

Трилогия в действительности представляет собой талантливо написанную картину еврейства в его внутреннем смысле и в отношениях к окружающему его народу.

VI

В 1880 году В.В. Крестовский получает новое назначение на должность секретаря военно-сухопутных сношений при главном начальнике русских морских сил в Тихом океане адмирале С.С. Лесовском. В эту неожиданную и лестную для него командировку Крестовский отправился на частном пароходе из Неаполя летом 1880 г. вместе с С.С. Лесовским, который, прибыв во Владивосток, вступил в командование эскадрой из 17 судов. Кратковременное пребывание в Австрии и Италии Крестовского было единственным случаем, когда он проездом побывал в Западной Европе, которую не любил, предпочитая ей богатый красками самобытный и неповторимый Восток.

Помещение для Крестовского было отведено вместе с адмиралом на «Европе», и Всеволод Владимирович быстро сошелся с моряками, что не представляло труда благодаря редким качествам и блестящему составу нашей военно-морской среды. Единственным развлечением от скуки нашей молодежи были

частые поездки на берег во Владивосток, где Крестовский всегда навещал городской клуб и там обедал. Здесь кстати будет упомянуто об одном факте, который является ярким примером благодушного отношения Крестовского к людям. Во Владивостоке в то время существовал клуб «Ланцепупов», к которому причисляли себя отставные моряки доброго старого времени парусных судов, отвергавшие условные формы светских отношений. Однажды Всеволод Владимирович вошел в залу ресторана, сел за стол и, вдев по привычке монокль в глаз, стал рассматривать публику. Здесь кстати будет заметить, что монокль был для Крестовского насущной потребностью, и он носил его из-за разницы зрения глаз, а отнюдь не из фатовского желания привлечь к себе внимание. Напротив его сидел один из «ланцепупов». Заметив взгляд Крестовского в монокль он позвал лакея, приказал ему подать с балкона подзорную трубу на подставке, в которую наблюдали за движением судов на рейде, и навел ее на ничего не подозревавшего Всеволода Владимировича, принявшегося за свой обед. Сдержанный смех

публики обратил, наконец, его внимание на глупую выходку, которую он прекратил тем, что подойдя предложил «ланцепупу» вместо того, чтобы заниматься праздным наблюдением, выпить с ним вина, на что тот, страшно сконфуженный, охотно согласился, и этим весь инцидент и был исчерпан.

Во Владивостоке Крестовский оставался до ноября 1881 г., а затем на крейсере «Европа» вместе с начальствующим эскадрой пошли в Нагасаки. На этом переходе с С.С. Лесовским случилось несчастье: оборвавшейся снастью ему разбило бедро и он шесть месяцев пролежал на берегу в г. Нагасаки, куда перебрался на жительство и Всеволод Владимирович. Этим пребыванием в Японии он широко воспользовался и в результате его наблюдений и изучения нравов и обычаев японцев явилась двухтомная книга «В дальних водах и странах», печатавшаяся в «Русском вестнике».

Благодаря стойкой и мудрой политике императора Александра III, с Китаем был подписан мирный договор, Тихоокеанская эскадра была распущена и командировка Крестовского окончена.

В 1882 году генерал М.Г. Черняев, герой сербско-турецкой войны, назначается генерал-губернатором Туркестана, завоеванию которого он так блистательно содействовал. В новой деятельности ему нужны были честные энергичные сподвижники и он предлагает В.В. Крестовскому место старшего чиновника особых поручений. Всеволод Владимирович, не колеблясь, принял это предложение, быстро собрался в далекий путь и, сменив гвардейский мундир на подполковничий армейский, выехал к месту своего назначения в г. Ташкент.

Первое поручение, данное ему генерал-губернатором, заключалось в том, чтобы привести в порядок городскую казенную библиотеку. По окончании этого дела, с которым Крестовский блестяще справился, ему было дано поручение произвести раскопку одного из самых больших курганов Самарканда, что он и начал с присущей ему энергией, пока не подключилось Императорское археологическое общество. И, наконец, третье поручение, данное Крестовскому, заключалось в сопровождении Российского посла к эмиру Бухарскому.

Литературным результатом этой поездки
явилась книга «В гостях у эмира Бухарского»,
в которой Всеволод Владимирович припод-
нял таинственную завесу, так долго скрывава-

шую от взоров русского общества внутреннюю жизнь повелителя азиатской соседки Бухары и его народа.

Двухлетнее пребывание в Туркестане ознаменовалось важной переменной в жизни Крестовского: он вступил в брак с вдовой бывшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе — Евдокией Степановной Лагода, двадцати лет. Явились новые заботы о семье, которая увеличивалась с каждым годом, но так как брак был заключен по большой любви, бремя его казалось совсем легким Всеволоду Владимировичу. В 1884 году генерал Черняев оставил свой пост и Крестовскому, не хотевшему остаться без него в Средней Азии, пришлось искать новую службу.

При откомандировании своем из Туркестана он был назначен в распоряжение Министерства внутренних дел. За почти трехлетнее служение там В.В. Крестовскому были даны две большие командировки для ознакомления с деятельностью Тверской, Тамбовской и Владимирской губерний и для осмотра торговых и промышленных центров России. Ре-

результатом этих командировок, кроме докладных записок начальству, были статьи в «Гражданине»: «Под владычеством земства», «Промышленные и торговые центры России». Кроме того, в этот период Крестовский принимает деятельное участие в газете «Свет», в которой напечатал более двухсот передовых статей по разным злободневным государственным вопросам. И, наконец, все это время Крестовский работает над своей последней трилогией — двумя ее последними романами «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», последний из которых был доведен до 20 листов и не окончен. Дальнейшая неотложная и беспокойная редакторская деятельность Всеволода Владимировича, а затем безвременная его кончина помешали ему завершить свой последний капитальный труд.

Как он смотрел на работу над литературным произведением лучше всего характеризуется им самим в письме к А.В. Жиркевичу, который, начав сам заниматься литературным трудом, обратился за советом к Всеволоду Владимировичу.

«Приемы всякого творчества — дело край-

не условное, и вывести для них какой-либо определенный закон нельзя. Тут все равно что у певчих птиц: всякая поет на свой лад. Мне, например, известно, что покойный Ф.М. Достоевский, по собственному его признанию, однажды мне сделанному, принимался иногда за свои большие вещи, имея в голове одну только общую идею данного произведения, но без всякой выработки плана, который развивался уже потом, как бы сам собою, из самого произведения, по мере того как оно писалось. Другие же, как например Тургенев или Гончаров, насколько известно, работали всегда по заранее выработанному плану.

Точно также и относительно вопроса, заставлять ли себя писать, или подкарауливать благоприятное настроение. Известно, что Виктор Гюго во время своей жизни в Брюсселе, работая над романом, писал его ежедневно, утром и вечером, сидя при этом за конторкой табачной лавочки того хозяина, у которого нанимал себе комнату, причем нередко случалось, что в отсутствии хозяина и его домашних, он сам продавал входившим покупателям папиросы и сигары, отрываясь для это-

го от работы, и, что всего удивительнее, эти отрывания, нередко весьма частые, не мешали стройному ходу его работы. Вальтер Скотт, насколько известно, все свои романы писал посредством аккуратной ежедневной работы и притом отнюдь не свыше заранее и раз навсегда определенного размера для механического труда писанья — одна страница в день. Это, если хотите, самый производительный относительно количества, способ работы. Эмиль Золя тоже придерживается ежедневно-го способа, определив себе для этого раз навсегда часы своего утра, и чуть стрелка его часов показывает ему условленное время, он немедленно прекращает свое писание до следующего дня, и это, как видите, не мешает достоинству его работы.

Из этого вы, пожалуй, выведете заключение, что я отдаю предпочтение ежедневной работе. На это я вам отвечу одно: блажен, кто может, или, „могий вместити, да вместит“. Лично же я к такому процессу работы не чувствую себя в силах, да я думаю, что и ни один из русских писателей к нему не способен. Это какой-то особенный, исключительно запад-

ный, европейский способ, а мы для него слишком безалаберны и не-взнузданы вообще.

На оба ваши вопроса я могу наиболее определенным образом ответить лишь поскольку они касаются меня лично.

Не знаю, как другие мои современные со-
браты, но я никогда не принимаюсь за механический труд писания какой бы то ни было вещи ранее, чем у меня не сложится в голове весь ее план со всеми главными и даже второстепенными действующими лицами, их положениями, столкновениями и проч. Но это все только в голове, а не на бумаге. Мне кажется, что бумажные планы только стесняли бы меня. Итак, прежде всего является общая идея произведения, т. е. что именно хотите вы, сказать, его *raison d'etre*, его право на существование и на внимание к нему читателя. Затем, соответственно этой идее у меня вырабатывается общий план романа, его типы, о чем сказано выше. План этот, у меня по крайней мере, требует большой подготовки, т. е. изучения своего предмета.

Так, для „Трущоб“ я посвятил около девяти

месяцев знакомства с трущобным миром, посещал камеры следственных приставов, тюрьмы, суды, притоны Сенной площади и пр. Чтобы написать „Кровавый пуф“ потребовалось не только теоретическое изучение польского вопроса по источникам, но и непосредственное соприкосновение с ним в самой жизни, что и дала моя служба в Западном крае и в Польше. Для „Дедов“ пришлось по источникам изучать эпоху царствования Екатерины II и царствование Павла I. Наконец, для последней моей трилогии „Тьма Египетская“ ушло до десяти лет на изучение библии, талмуда и проч., не говоря уже о личном, практическом знакомстве с еврейским бытом и миром, которое опять-таки далось мне жизнью и службой среди палестин Западного края. Но при всем этом первенствующее значение я даю никак не теоретической подготовке по источникам, а самой жизни, т. е. тем непосредственным впечатлениям, какие она на меня производит при знакомстве с нею, с бытом, типами и соотношениями в массе ежедневных соприкосновений с нею.

Затем, что касается собственно фабулы ро-

мана, или так называемого сюжета, то это никогда не представляло для меня ни малейшего затруднения, и я вам сочиню любой сюжет сразу, в полчаса, лишь бы были: главная основная идея, знакомство с данным предметом и живые образы, даваемые самой жизнью в ее типах и быт данной среды.

Что касается определенной системы работы, то у меня ее нет. Случается, что я по два-три месяца и пера не беру в руки, а затем по шестнадцать часов в сутки не отрываюсь от работы.

Писать могу я при всякой обстановке, случалось писать на боевых позициях под Плевной, и в темной землянке в Боготе. Но предпочитаю я ночное время, когда уже никто и ничто меня не беспокоит.

Единственный совет, какой могу дать на Вашу просьбу, это вот что: пишите, как пишется, как вам самому нравится. Но помните только одно: надо всегда, чтобы писатель имел что сказать свое и от себя, и только тогда он будет читаем. А для этого прежде всего нужна искренность нашего личного отношения к делу и к данному вопросу, составляю-

цему *raison d'etre* той вещи, за которую вы садитесь как писатель.

Если вам нечего сказать своего, лучше не пишите, а повремените, пока явится эта внутренняя потребность высказаться. А она явится непременно и тогда — с Богом! Беритесь смело за перо и принимайтесь за дело! То или другое „направление“ тут решительно ни при чем. Я признаю всякое направление, а в писателе, если только он искренен. Можете быть мрачайшим пессимистом, или усвоить себе Пангловское убеждение, что „все к лучшему в сем лучшем мире из миров“, — в сущности, это решительно все равно, если только вы искренны. Вы смотрите так на известный предмет, я иначе, третий еще как-нибудь иначе; но если все мы одинаково искренны в своем нравственном отношении к нашему делу и к данному предмету, то каковы бы ни были при этом личные наши точки зрения и наше „направление“, избранный нами предмет в писаниях наших все-таки явится живым, с плотью и кровью его, но только в различном освещении. И от этого самый интерес данного предмета в глазах читателя нисколько не

проиграет.

В этом — главное, а остальное есть уже дело большего или меньшего таланта. Но ведь не все же Шекспиры и Гюго, не все же Пушкины и Толстые; читается и наш брат скромный второстепенный или третьестепенный писатель, если он искренно и честно относится к своему делу».

Письмо это помимо его сути, ярко иллюстрирует, во-первых, доброе желание откликнуться на просьбу, во-вторых — сердечную откровенность Крестовского, и, наконец, ту излишнюю скромность, с которой он отводит себе место чуть не в третьем разряде писателей, с чем никак уж нельзя согласиться.

По возвращении в Петербург Крестовский возобновляет свои встречи со многими видными представителями литературы и искусства, чаще всего бывая у старого своего друга А.П. Милюкова, «вторники» которого продолжались почти без перерыва в течение сорока лет. Бывал он также у В.Г. Авсеенко и В.В. Комарова на его «субботах», собиравших всегда многочисленных литераторов.

После долгих исканий службы в 1887 году

Крестовскому удалось перейти в пограничную стражу, где главной его обязанностью было инспектирование отделов и бригад пограничной охраны. Служба была сопряжена с долгими и дальними путешествиями не только по железным дорогам и по воде, но и на лошадях от поста до поста. Но Крестовский, несмотря на то, что было ему в то время под пятьдесят лет, отдался трудному и малоинтересному делу с присущей ему энергией и пылом и исписывал целые фолианты о результатах своих осмотров.

В печати появились его путевые очерки и записки «Русский город под австрийской маркой», «По закавказской границе» и др. Печатались они в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях». В 1888 году за отличие в службе Крестовский был произведен в полковники.

В этот последний свой петербургский период Крестовский дружил с писателями А.Н. Майковым, В.И. Немировичем-Данченко, Г.Н. Данилевским, Н.Ф. Соловьевым, В.Н. Мещерским, И.Ф. Горбуновым, С.С. Татищевым, М.Н. Розенгеймом. Жил он широко и еженедельно устраивал вечера. В то же время он часто бы-

вал у принца А.П. Ольденбургского, где принимал участие в литературных вечерах, читал отрывки из своих произведений.

Семейная жизнь его во втором браке была очень счастлива, и он нашел в своей супруге и новой семье то, к чему давно стремился — душевное спокойствие и новую цель жизни.

VII

Летом 1892 года варшавским генерал-губернатором И.В. Гурко, знавшим В. В. Крестовского со времен войны 1877–1878 гг., ему было предложено занять вакантное место редактора «Варшавского дневника». Русский печатный орган на западных окраинах России представлял в то время русскую общественную мысль среди населения, долгое время находившегося под влиянием идей, враждебных государственному единству. Он должен был рассеять призрак племенной автономии силой своего убежденного слова, честно и правдиво выяснять истинное положение дел в государстве, отстаивать достоинство власти от происков внутренней и внешней пропаганды. Он обязан был внимательно относиться и к явлениям местной общественной жизни, изучать нужды населения края, являясь как бы зеркалом правительства и русского общества, и нес потому большую нравственную ответственность.

В.в. Крестовский, как человек высоко талантливый и положивший немало труда на

изучение вопросов Царства Польского и Западного края, легко бы справился с поставленной задачей, если бы не «оборотная сторона медали». Прежде всего «Варшавский дневник» был изъят из цензурного комитета и поручен *предварительному* просмотру особого чиновника, избранного генерал-губернатором, так что Крестовский после тридцатилетней независимой литературной деятельности был поставлен под контроль лица, ничего общего с литературой и публицистикой не имеющего. Это была первая отправная точка грядущих неприятностей. За ней следовала польская печать, которой кого бы ни поставь во главе «Варшавского дневника» всех, не задумываясь, забросает пасквилями в силу одной только причины — как представителя русского печатного органа.

На первую же вступительную статью Крестовского, несмотря на ее благородный, рыцарский тон, на безусловно примирительное настроение по отношению к польскому вопросу, вся польская печать отозвалась враждебно и забросала Крестовского бранью и насмешками, извратив все сказанное им.

Однако сложная и тяжелая обстановка никак не охладила энергии нового редактора и все его стремления и деятельность были направлены к одной идее — оказать своим органом большую помощь многолюбимому отечеству.

День своего вступления в должность он приурочил к 7 октября 1892 г., когда исполнилось ровно тридцать пять лет его литературной деятельности. В газетном мире юбилей прошел незамеченным, а в Варшаве он был отпразднован в местном кружке во главе с генерал-адъютантом И.В. Гурко, друзьями и товарищами Крестовского по Уланскому полку и сотрудниками газеты.

За этим обедом один из старинных его друзей М.А. Терентьев написал стихотворение, в котором назвал его «кованным из стали». Несмотря на впечатлительность и склонность В.В. Крестовского к увлечениям его можно было в самом деле назвать «кованным из стали», потому что, как он доказал своею писательской деятельностью, он был тверд в своих убеждениях и принадлежал к числу тех немногих, которые в периоды разных псевдо-

либеральных увлечений нашего общества оставались верными истинно русским взглядам; он был «кованным из стали» еще и потому, что, несмотря на много пережитых им испытаний, он сохранял до последнего времени душевную свежесть и энергию.

Действительно, глядя на здорового, полного энергии и сил, веселого хозяина дома никому и в голову не могло прийти, что беспощадное время оставило ему для жизни и трудов всего три года.

Первым делом Крестовского по вступлении в редакторство было расширение программы «Дневника». В редакции закипела работа, появились преданные сотрудники, редактор работал по 14 часов в сутки. Казалось бы, имея главного цензора в лице генерал-губернатора, можно было бы при еженедельных докладах ему избавиться от всякой иной цензуры, но на деле выходило иначе.

Положение было тем труднее, что цензура происходила вечером и все вычеркнутые статьи надо было успеть подменить ночью, чтобы не задержать выпуск. Дошло до того, что Крестовский, выведенный из терпения цен-

зорскими придирами, начал выпускать номер на свой страх и риск, не посылая его для просмотра. На это самоуправство тут же появилась жалоба, редактор получил выговор и предупреждение, что в следующий раз дело будет передано в суд.

Постоянное угнетенное состояние духа и усиленная газетная деятельность сделали этот период совершенно бесплодным для литературной деятельности Всеволода Владимировича, за весь период был написан только один рассказ.

Все вышеизложенное в соединении с постоянной травлей польской прессы подтачивало его здоровье, он стал страдать бессонницей и через полтора года у него появилась болезнь почек и печени, которая стала очень быстро развиваться. К несчастью, так как работать становилось все труднее, он решил провести лето с семьей на даче под Варшавой, в дворцовой вилле «Сельцы», отличавшейся своей сырой нездоровой местностью, сильно там простудился, что еще больше подействовало на его пораженный организм. Третья годовщина его редакторства, также от-

празднованная по настоянию Крестовского, была резким контрастом с веселым обедом при начале его деятельности: вместо полного жизни человека, все присутствовавшие видели изможденного, слабого телом и духом больного.

Он не скрывал сам от себя угрожавшей опасности и часто говорил: «Скоро, скоро умру», но слова звучали так, что их можно было понять как желание, чтобы его в этом разубеждали, что и делали все окружающие его в то время.

У докторов, его лечивших, было намерение послать его в Италию, но от этого пришлось отказаться, так как у него началась водянка.

Светлый ум Всеволода Владимировича стал затемняться, мысли путаться, связь между ними терялась. Ни на минуту не отходила от него любящая супруга, облегчая своим неусыпным самоотверженным уходом страдания мужа. К общей слабости присоединились тяжелые физические страдания, не дававшие ему ни днем, ни ночью покоя. Так встретил В.В. Крестовский 1895 год.

Трижды исповедался и причастился Всеволод Владимирович за время своей болезни у своего духовника отца Татарова, который всегда восторгался чистой светлой душой его и глубокой религиозностью. В эти тяжелые последние дни посетил его генерал-губернатор Варшавы граф П.А. Шувалов, высоко ценивший его талант, но больной уже не мог его ни видеть, ни слышать — от Всеволода Владимировича оставалось изможденное тело, и только тяжелое дыхание указывало на признаки жизни. 18 января 1895 года в 11 часов 45 минут вечера душа его отлетела в лучший мир.

Через три дня в Варшаве в православном соборе состоялось отпевание В.В. Крестовского, куда прибыл граф П.А. Шувалов, некоторые официальные лица и незначительное число друзей, знакомых и сотрудников газеты. Военная процессия проводила гроб на вокзал до железной дороги, откуда вдова покойного повезла его в Петербург для погребения в Александро-Невской Лавре.

Петербург простился с Крестовским куда лучше, чем Варшава. Гроб был встречен друзьями: Ф.Н. Бергом, В.В. Комаровым, В.Г. Авсе-

енко, К.К. Случевским и другими и поставлен на колесницу. Церковь Александро-Невской Лавры наполнилась родными, литераторами, бывшими сослуживцами и знакомыми Всеволода Владимировича. Среди всех собравшихся обращала на себя внимание убитая горем восьмидесятилетняя мать Всеволода Владимировича, пережившая своего сына.

По окончании службы молодой поэт А. Коринфский сказал сильную и глубокопрощувствованную речь, в которой назвал В.В. Крестовского явлением крайне оригинальным, писателем и поэтом, откликавшимся на крупнейшие вопросы бытовой народной жизни, проводником истинного русского народного духа.

Похоронили В.В. Крестовского около Никольской церкви, недалеко от могилы А.Г. Рубинштейна.

Так началась, прошла и закончилась жизнь замечательного труженика, истинного патриота во славу отечества Всеволода Владимировича Крестовского.

ПИСАТЕЛЬ

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ

КРЕСТОВСКИЙ

1839-1895

В.В. КРЕСТОВСКИЙ[4]

Еще прибавилась новая, свежая могила... Могила человека, с коим нас связывала 35-летняя дружба и товарищеские отношения, утрата которых так больно чувствуется в известные годы, когда все больше и больше редуют ряды сверстников и сердечно любимых людей... Не стало Всеволода Владимировича Крестовского, в лице которого, и без того немногочисленная семья истинно русских писателей потеряла крупный, сильный, самобытный талант, посвятивший всю деятельность свою всецело на служение горячо любимой им родине. И имена таких крупных дарований знает русский люд, от мала до велика, как знал он имя Всеволода Крестовского, несмотря на его сравнительно непродолжительную жизнь. Несмотря на всевозможные, упорные, систематические замалчиванья нашей печати, целых три поколения грамотных русских людей знают имя Крестовского, читают его всем известные произведения, и они еще долго будут читаться и чем далее, тем большее будут приобретать значение. В исто-

рии отрезвления нашего общества от угара годов «движения» его романы должны занять бесспорно одно из первых мест. Глубокое знание русского быта, разнообразная, широкая жизнь, в особенности знание быта Западного края, где долго служил покойный, ясность, твердость и определенность его воззрений, местами высокое художественное достоинство его романов — все это, мы без исключения говорим, не оценено совершенно нашей печатью и едва ли будет оценено, как следует, если принять во внимание господствующее теперь, к сожалению, и далекое от беспристрастия настроение. Смерть похитила В.В. Крестовского на пятьдесят пятом году его жизни; он родился 11-го февраля 1840 г., в имении своей бабушки, где и провел свое детство. В 1850 г. Всеволода Владимировича привезли в Петербург и отдали в Первую гимназию, по окончании курса которой он поступил на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Отдался литературе покойный очень рано, будучи еще гимназистом. В течение первых 10 лет своей литературной деятельности Всеволод Влади-

мирович написал немало стихотворений, повестей и рассказов, напечатанных в «Иллюстрации», «Библиотеке для чтения», «Отечественных Записках», «Сыне Отечества», «Русском Слове», «Русском Мире», «Русском Вестнике», «Времени», «Эпохе», «Светоче», «Заре». Из этих повестей назовем: «Не первый и не последний», «Бесенок», «Пчельник», «Сфинкс» и др. С ноября 1864 г. в «Отечественных Записках» стал печататься его большой, знаменитый впоследствии, и выдержавший столько изданий, роман «Петербургские трущобы», наделавший в свое время столько шума... Читатели романа составляли группы и посещали описанные Всеволодом Владимировичем места... Несмотря на все, что писалось против этого произведения, роман «Петербургские трущобы» должен быть признан выдающимся романом по его общественному и художественному значению, как изображение результата распущенности у нас воспитания семейного и нравственного. За «Трущобами» следовал целый цикл, местами превосходных, романов, изобразивших период 1860-х годов — польское восстание и организацию

евреев в Западном крае и наше пресловутое внутреннее движение и его деятелей. В 1866 г. В.В.Крестовский, двадцати восьми уже лет от роду, известный писатель, поступил в 14-й Уланский полк. Любимый товарищами, подчиненными и начальниками, он прослужил здесь шесть лет. В это время занялся он составлением истории своего полка, которую окончил в 1873 г., а в январе месяце следующего года поднес свой труд августейшему шефу полка, ее императорскому высочеству великой княгине Марии Александровне (ныне герцогине Эдинбургской). Всеволод Владимирович был переведен по высочайшему повелению в гвардию, в Уланский полк его величества. В следующем 1875 г. 13 февраля (день полкового праздника) он получил на малом балу в Зимнем дворце лично от государя предложение составить историю лейб-гвардии Уланского его величества полка. Военно-исторические работы не помешали Всеволоду Владимировичу окончить в 1874 г. обширный и прекрасный роман «Кровавый пух», появившийся отдельным изданием в 1875 г., который представлял собой «хронику

о новом смутном времени государства Российского». Автор в этом романе чрезвычайно метко характеризовал умственное течение русской жизни шестидесятых годов. В том же периоде им был написан роман «Вне закона», печатавшийся в фельетонах «Русского Мира» (где тогда мы вместе с ним работали), и очень интересную, вышедшую потом отдельной книгой, историческую повесть «Деды», в которой представлена мастерская картина времени Павла I, и кроме того, несколько беллетристических очерков, помещенных в разных журналах.

В декабре 1876 г., по личному желанию императора Александра II В.В. Крестовский был командирован в штаб действующей армии; сделал всю кампанию 1877–1878 гг., участвовал в переходе Траян, в отряде покойного генерала П.П. Карцева, затем в нескольких делах и получил награды за храбрость. В течение полутора лет он написал с места около ста корреспонденций, которые потом составили отдельную книгу: «Двадцать месяцев в действующей армии», за что удостоился в награду получить от Монарха драгоценный пер-

стенъ. В июне 1880 г. В.В. Крестовский с высочайшего разрешения был командирован состоять при начальнике нашей Тихоокеанской эскадры, генерал-адъютанте С.С. Лесовском, в качестве секретаря для военно-сухопутных сношений, ввиду готовившейся войны с Китаем. Результатом пребывания Всеволода Владимировича на эскадре Тихого океана был ряд очерков, печатавшихся на страницах «Русского Вестника», под заглавием: «В далеких водах и странах». В марте 1882 г. Всеволода Владимировича произвели в ротмистры, с переименованием в подполковники, и назначили вслед за тем старшим чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, М.Г.Черняеве. В этой должности В.В.Крестовский много ездил по нашим азиатским владениям, был в Бухаре и Хиве, написал образцовую художественную книгу «В гостях у эмира Бухарского» и ряд очерков, между прочим, о Самаркандских раскопках на урочище Афросиаб.

В 1887 г. (15 апреля) В.В.Крестовский был переведен штаб-офицером для поручений при департаменте таможенных сборов, где и

оставался до 1892 г., когда был вызван генерал-губернатором варшавским, И.В.Гурко, для редактирования «Варшавского Дневника».

С 1885 г. по 1892 г. Всеволод Владимирович написал ряд статей в газетах преимущественно по текущим вопросам внешней политики и напечатал в «Русском Вестнике» три обширных произведения, имевших большой успех — романы «Тьма Египетская», «Тамара Бендавид» и «Торжество Ваала», составляющих одно целое, в которых он, со свойственным ему мастерством, показал силу еврейства в нашей жизни и бессилие беспочвенной нашей администрации и интеллигенции, не могшей силе сплоченного иноплеменного напора противопоставить ни определенных убеждений, ни твердого противодействия и теряющейся в бесплодных шатаниях...

В 1892 г. Всеволод Владимирович собрал все свои прекрасные и живые военные рассказы и издал их в одном томе. Все эти рассказы полны тонкого психологического анализа, отличаются знанием военной жизни, а меткий превосходный язык и поэтические описания природы Западного края увеличи-

вают их интерес.

Похороны Всеволода Владимировича, конечно, не сопровождались шумом и многолюдством, как похороны других писателей и деятелей или такого же размера, как он, или и несравненно меньшего. Так же тихо и сухо встретила печать наша смерть и другого сильного первоклассного художника А.Ф. Писемского. Причины этого настолько известны всем, что о них не приходится распространяться...

Слишком близки мы были с покойным писателем и слишком больно еще отзывается в сердце нашем эта тяжкая утрата, чтобы вполне определить и очертить значение этого вне всякого сомнения весьма замечательного и крупного таланта. Приведем отзыв, в котором мы нашли отчасти, что уже сказали или желали бы сказать. Мы вернемся, конечно, вскоре и подробно к произведениям нашего товарища и постоянного сотрудника «Русского Вестника». «Всеволод Владимирович, — говорит неизвестный автор, — успел показать себя вполне выдающимся и самым разнообразным художником-бытописателем и создать

ряд таких произведений, художественное и общественное значение которых переживет не одно поколение. В этих произведениях им затронуты и художественно разработаны вопросы первостепенной важности, общественной и государственной. Покойный принадлежал к весьма небольшому кругу писателей, начинавших свою деятельность в пятидесятых годах и подвергшихся в следующие десятилетия гонениям той критики, которая, во имя западничества и космополитизма, была очень далека от истинного понимания призвания России и правильной оценки ее органических сил. Никогда ни разу не отступал почивший от твердо им усвоенного направления, и недалекое будущее оценит, конечно, по достоинству, на чьей стороне была правда и чьи заслуги выше на служении родной стране...»

Личные качества покойного не могли не внушать к нему сильной привязанности. Общительный, добродушный, прекрасный товарищ, интереснейший собеседник, мастерский рассказчик, — он всегда был желанным и привлекающим на себя общее внимание чле-

ном всякого кружка. Его многочисленные путешествия, его обширный жизненный опыт, из коих он вынес столько продуманного им и замеченного' — делали беседу его в высшей степени замечательной.

Мир праху твоему, добрый, хороший человек, редкий товарищ и гражданин, боец мечом и пером за свои убеждения и дорогую родину! Вечная память и слава твоему имени уже начертаны на скрижалях будущей истории русской литературы. Тебя не стало, но творения твои будут жить в русском народе. Прощай, дорогой товарищ... Мир праху твоему!

Ф.Берг

Примечания

Чтобы избежать необходимости в постоянных сносках на исходные материалы, укажем на основные из них:

1. Ю. Елец. Биография Всеволода Владимировича Крестовского. Крестовский В.В. Собр. соч., Т I СПб., 1899.

2. Арс. Введенский. Современные литературные деятели. Всеволод Владимирович Крестовский. «Исторический вестник», 1890, № 12.

3. Ф. Берг. В.В.Крестовский «Русский вестник» 1895, № 2.

4. И.К. Маркузе. Воспоминания о Крестовском. «Исторический вестник», 1890, № 3.

[^^^]

2

Пуф — надувательство, нелепая выдумка.

[^^^]

3

Корпоративный дух (пер. с фр.).

[^^^]

Некролог, помещенный на смерть В. В. Кре-
стовского в «Русском вестнике», 1895 г., № 2.

[^^^]